

УДК 94(47)084.2

ББК 66.3

Р89

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук *В.П. Зиновьев* (отв. ред.),

д-р ист. наук *С.А. Красильников*, канд. ист. наук *Е.В. Луков*,

д-р ист. наук *С.Ф. Фоминых*, д-р ист. наук *М.В. Шиловский*,

д-р ист. наук *Э.И. Черняк*

Русская революция в контексте истории: Материалы
Р89 региональной научной конференции (Томск, 6–8 ноября
2007 г.) / Под ред. д-ра ист. наук В.П. Зиновьева. – Томск:
Изд-во Том. ун-та, 2008. – 320 с.

ISBN 978-5-7511-1861-7

В сборник вошли материалы научной конференции «Русская революция в контексте истории XX века», которая была посвящена 90-летию Октябрьских событий. Конференция организована Томским МИОном, историческим факультетом ТГУ, Институтом истории СО РАН, Томским РУСО. Выступавшие на конференции историки, политики, общественные деятели, придерживающиеся разных политических взглядов, считают Русскую революцию и Гражданскую войну единым грандиозным событием, изменившим не только историю нашей страны, но и течение всемирной истории. По этой причине она заслуживает внимательного и всестороннего изучения наряду с английской и французской революциями.

Для специалистов-историков, студентов и аспирантов исторических факультетов и всех интересующихся политической историей России.

УДК 94(47)084.2

ББК 66.3

Сборник издан при финансовой поддержке проекта «Освоение северной Азии как социокультурный процесс», выполненного в рамках федеральной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы 2006–2008 гг.»

ISBN 978-5-7511-1861-7

© Авторы статей, 2008

© В.П. Зиновьев, редактирование, 2008

© Томский государственный университет, 2008

⁵ Горная энциклопедия. М., 1964. Т. 1. С. 525; БСЭ. 2-е изд. Т. 49. С. 441.

⁶ Матушкин П.Г. Урало-Кузбасс. Челябинск, 1966. С. 39–44.

⁷ История Кузбасса. Ч. 1–2. Кемерово, 1967. С. 254.

⁸ Промышленный Урал. 1920. № 2.

⁹ ГАТО. Ф. 531. Оп. 1. Д. 12. Л. 85, 90, 117, 126.

¹⁰ Грум-Гржимайло В. Хочу быть полезным Родине. Екатеринбург, 1996. С. 13–16.

Д.Н. Шевелев, Е.В. Луков

Белая идеология как альтернатива большевизму (на примере антибольшевистских правительств Сибири)*

Опыт революции и Гражданской войны в России со всей очевидностью показал значение идеологии как мобилизующего фактора и инструмента достижения легитимности в переломные моменты жизни общества.

Первоначально идеологи сибирской контрреволюции считали неприемлемым применение мер пропагандистского воздействия, аналогичных большевистским. Во многом это являлось следствием негативного отношения белого офицерства как к «политике», под которой они понимали главным образом антигосударственную деятельность, так и к «агитации» и «пропаганде» в частности. Военные предпочитали думать, что у них вовсе нет никакой «идеологии», а сражаются они за общенациональные, общероссийские интересы. Кроме того, эйфория первых военных побед отодвинула в глазах армейского командования психологические методы ведения войны и долговременные пропагандистские стратегии на второй план.

Заметное изменение в отношении к пропаганде, сопровождавшееся структурной перестройкой осведомительных органов, произошло летом – осенью 1919 г. Под давлением главным образом внешних обстоятельств – неудач на фронте, активизации повстанческо-партизанского движения и коммунистического подполья – Омское правительство значительно расширяет военно-пропаган-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 06–01–00317а).

дистскую деятельность, надеясь тем самым мобилизовать население Урала и Сибири на борьбу с большевиками.

Важнейшую роль в системе антибольшевистской пропаганды играла периодическая печать. В то же время в деятельности информационно-осведомительных органов восточной контрреволюции очень часто имела место непосредственная коммуникация (лекции, доклады, проповеди и пр.), основным средством которой выступало живое слово.

Изучение деятельности осведомительных и культурно-просветительных учреждений обозначило также основные функции пропагандистского аппарата белой Сибири в целом и официальной периодической печати в частности:

- политико-просветительная: информирование о текущих политических событиях;
- манипулятивная: объяснение и интерпретация информационных сообщений в соответствии с общей политической линией правительства с целью объединить усилия аудитории, побудить ее действовать в желаемом направлении;
- императивно-убеждающая: воздействие на аудиторию с целью обозначить и зафиксировать соответствующие отношения власти в качестве наиболее приемлемых в данной политической ситуации, а провозглашенных идеологических приоритетов и ценностей Белого движения как общезначимых;
- мобилизационная: проведение кампаний в поддержку тех или иных действий правительства, направленных на усиление военной мощи; мобилизация общественных сил на борьбу против большевизма;
- селективная: создание «образа врага»; отделение общности «мы» от враждебного «они»; углубление противоречий между действиями противника и интересами гражданского населения;
- дидактическая: политическая социализация в духе провозглашенных идеологических ценностей и господствующих социальных норм;
- развлекательная: организация культурного досуга, обеспечение рядовому и офицерскому составу армии средств расслабления, снятие за счет этого социальной напряженности.

Деятельность идеологического аппарата в этой связи воспринимается как функционирование особой подсистемы в рамках общей политической системы восточной контрреволюции. На всей терри-

тории, которую они контролировали, антибольшевистские правительства стремились развернуть широкую сеть пропагандистских учреждений. Так, к весне 1919 г. на территории, занятой колчаковскими войсками, сформировалась целая система осведомительных и культурно-просветительных органов. Центральное место в ней занимали Отдел печати Управления делами Совета министров, Особая канцелярия при штабе Верховного главнокомандующего (Осканверх) и Отдел печати Главного штаба. Действовали и периферийные осведомительные и культурно-просветительные органы. В дальнейшем количество пропагандистских ведомств значительно возросло.

Другие белые правительства также обладали соответствующими учреждениями. При Совете министров Северо-Западного правительства действовал особый «отдел агитации и пропаганды». В качестве «правительственного органа осведомления и агитации» Временного правительства Северной области функционировало Северное (Архангельское) бюро печати (Арбюр), а при штабе армии генерала Е.К. Миллера существовало культурно-просветительное отделение. Однако наибольшую известность приобрел Осваг – пропагандистское ведомство антибольшевистского Юга, само название которого стало нарицательным. Осваг обладал широкой сетью местных организаций и пунктов, в которых к осени 1919 г. насчитывалось более 10 тысяч сотрудников. «Непомерно разросшийся Осваг, – писал генерал П.Н. Врангель, – стремился охватить все отрасли жизни армии и страны». Он не только «внедрял в сознание масс идеологию, исповедуемую главным командованием», «популяризировал вождей», но и ставил себе целью «облагораживание литературного вкуса обывателя». Кроме Освага, на юге России действовали агитационно-осведомительные органы казачьих войск – Донской отдел осведомления (Донотос) и Кубанский отдел пропаганды (Коп). При штабе Добровольческой армии существовал Военно-политический отдел.

Однако усилия белых в идеологической сфере во многом оказались тщетными. Им не только не удалось развернуть пропаганду своих идей на территории Советской России, как это сделали красные в регионах, контролируемых войсками контрреволюции, но и обеспечить массовую поддержку со стороны населения на своей территории. Такое положение дел наблюдалось на всех фронтах Гражданской войны. По признанию деникинского генерала

А.А. фон Лампе, большевистская пропаганда была «могучим фактором, разрушавшим белый тыл». «В этом вопросе, – писал он, – красные преобладали, так как он был поставлен у них лучше, чем у белых, да и надо признаться, что лозунги, проводившиеся ими в жизнь, были всегда бесконечно более заманчивы для массы, чем то, что могли предложить ей пропагандисты белого фронта»¹.

«Психологическая война» приносила красным свои дивиденды. На Восточном фронте распропагандированные большевистскими агитаторами перешли на сторону Красной армии украинский полк (курень) им. Т. Шевченко, 10-й Бугульминский, 11-й Сенгилеевский полки, 3-й батальон 49-го Казанского полка, Башкирская кавалерийская бригада². Партизанское же движение сковывало большое количество колчаковских войск, необходимых на фронте.

Анализируя причины низкой эффективности пропагандистского аппарата Колчака и сибирской контрреволюции в целом, следует, на наш взгляд, выделить две группы факторов, определивших его низкую результативность. Первая группа причин заключалась в специфике организации самого пропагандистского аппарата, вторая – скорее проистекала из особенностей идеологической доктрины Белого движения, а также напрямую зависела от реализации программных заявлений на практике и была обусловлена тем повседневным морально-психологическим и материально-бытовым микроклиматом, который колчаковский режим создавал и поддерживал на контролируемой им территории.

На первый взгляд, деятельность многочисленных агитационно-осведомительных и культурно-просветительных организаций выглядит довольно впечатляюще. В то же время результаты их работы говорят об обратном. Активизация правительственной пропаганды в основном сводилась, говоря словами Г.К. Гинса, к «бесконечному размножению осведов». «Организации эти, – отмечал он, – требовали громадных ассигнований. Как они расходовали деньги, я затрудняюсь сказать, но что большинство из них работало впустую – это факт».

Пропагандистский аппарат Колчака оказался не в состоянии обеспечить фронт и тыл достаточным количеством агитационной литературы. Под впечатлением доклада министра внутренних дел В.Н. Пепеляева о его поездке на фронт военный министр, генерал А. Будберг, писал: «Для меня ценно только его решительное заключение о полной безрезультатности агитационной работы мно-

гочисленных осведомительных органов; он воочию убедился, что эта деятельность держится к Омской поверхности и очень слабо распространяется внутрь страны и вглубь населения).

Дело, однако, было не в отсутствии агитационной литературы как таковой, которая издавалась в значительном объеме, а скорее в неумении своевременно довести ее до войск и населения. В своих мемуарах Г.К. Гинс приводит характерный случай с выпускавшимся Русским бюро печати плакатным вестником (краткими официальными сообщениями, передаваемыми по телеграфу). «Но плакаты, – писал Гинс, – оставались известными только телеграфистам. В Таре я убедился в этом. То же самое происходило и в остальной Сибири. Генерал Будберг прислал мне телеграмму с дороги: “Медленно подвигаясь на Восток, убеждаюсь всюду в полном отсутствии осведомленности”. Плакатный вестник не вывешивался даже на станциях». Сам адмирал Колчак рассказывал Гинсу, что в Ишиме он наблюдал «полную неосведомленность даже в лазаретах».

Такой неосведомленностью населения пользовались противники режима. В одном из своих докладов руководитель новониколаевского отделения Русского бюро печати Я.Л. Белоблоцкий сообщает о крестьянском выступлении в своем районе: «Техника “восстания” такова: в село (описываю восстание в селе Атаманове на Оби) являются три большевика (один местный хулиган, один интеллигент и рабочий Петрограда), вооруженные револьверами. Собирают сход и заявляют: Омск, Новониколаевск, Барнаул пали, Колчак бежал, остатки белых банд двигаются сюда, мы назначены комиссарами в вашу волость, приказываем вам мобилизоваться... и исполнять наши приказания.

Село в 300 дворов, богатое, небошевистское, не имеет сведений, что делается даже в Новониколаевске (80 верст), не имеет комитета обороны из состоятельных крестьян, исполняет приказания большевиков, но с условием, чтобы грабежа не было. Оружие improvisированной армии – дробовики и наскоро сделанные пики. Часть отряда была уведена на разрушение Алтайской дороги, большинство, простояв три дня, разошлось. Только небольшая часть “держала цепь по Оби”, но после первых выстрелов канонерки (маленькие французские) разбежались и крестьяне выгнали комиссаров.

Такие восстания ежедневны...»³

Особенность идеологии антибольшевистского движения заключалась в том, что составлявшие его группы, партии и течения от

крайне правых монархистов-черносотенцев до «умеренных» социалистов привносили элементы своих программных установок, превращая ее, таким образом, в некий идеологический калейдоскоп. Конвенциональная для большинства участников Белого движения платформа «непредрешенчества» и, как следствие, расплывчатость идеологической доктрины и неясность политической программы на деле оказались препятствием для консолидации антибольшевистских сил и в значительной степени затрудняли работу органов пропаганды. Как признавал руководитель Осведверха полковник Г.И. Клерже, «в этом вопросе трудно было регулировать всю программу работы сверху, ибо самая политическая “установка”, как говорят обычно большевики, в правительстве адмирала А.В. Колчака страдала серьезной неустойчивостью, противоречиями и подвергалась различным внешним и внутренним влияниям». Весьма характерно, что сходную картину рисует в своих мемуарах глава деникинского Освага К.Н. Соколов. «Деятельность Отдела пропаганды, – писал он, – конечно, никогда не была удовлетворительна. Но она на каждом шагу сталкивалась с препятствиями, большею частью от воли работников отдела не зависимыми... Из числа препятствий политических главным было именно отсутствие у нас политического курса».

Кроме того, политические и военные круги Омска в какой-то степени стали заложниками собственных иллюзий. Они настолько были уверены в благополучном исходе и своей конечной победе, о которых так много трезвонила пресса, что когда разразилась военная катастрофа, они оказались к ней не готовы.

Главные же причины невысокой результативности белой пропаганды следует искать вне идеологического аппарата восточной контрреволюции. В условиях, когда не были урегулированы аграрные взаимоотношения, не был решен рабочий вопрос, проводились реквизиции, принудительные мобилизации, отмечались злоупотребления властью на местах и разгул «атаманщины», трудно было создать позитивный образ колчаковского режима. «Деятельность правительственных отрядов, милиции, а также местных правительственных агентов, – говорилось в «Отношении Томской губернской земской управы командующему 1-й Сибирской армией» генерал-лейтенанту А.Н. Пепеляеву от 11 декабря 1919 г., – подорвали в глазах широких кругов крестьянства от безземельного батрака до

хозяйственно крепкого сибиряка-старожила, необходимый авторитет власти»⁴.

Карательные меры, к которым прибегали военные в деревне при отказе крестьян служить в армии, казни и порки, ставшие обычным явлением, своекорыстие и эгоизм финансово-промышленных кругов, невиданная спекуляция в тылу, продажность и взяточничество чиновников и полная неспособность правительства остановить все это настраивали население Сибири против власти адмирала Колчака.

Антибольшевистская пропаганда оказалась бессильной на фоне общего прогрессирующего паралича власти, а потеря контроля в низовом аппарате управления лишила ее непосредственной связи с населением. В такой обстановке большевикам ничего не стоило обвинить белых в реставраторских устремлениях, доказать несостоятельность и обреченность контрреволюции. «Карательные отряды, – отмечал один из участников Гражданской войны, – были лучшими агитаторами за Советскую власть»⁵.

Существенную роль в дискредитации Белого движения сыграла ставка лидеров контрреволюции на военную и экономическую помощь иностранных держав. «Только благодаря союзникам, – писал уже в эмиграции генерал К.В. Сахаров, – национальное русское дело потерпело крах... “Союзникам” до России не было никакого дела, более того, национальное возрождение России для них являлось нежелательным, как что-то враждебное и опасное»⁶. В том же духе высказался и другой белый генерал А.А. фон Лампе, указавший на то, что «союзники» работали на себя и «помощь» их белым была далеко не так реальна, как это принято изображать⁷.

Союз с интервентами мешал белым предстать в ореоле защитников национальных интересов России, чем незамедлительно воспользовались большевистские агитаторы, выставив лидеров контрреволюции «наемниками мировой буржуазии», «хищными псами Антанты». «Причудливая диалектика истории, – писал Н.В. Устрялов, – неожиданно выдвинула Советскую власть с ее идеологией интернационализма на роль национального фактора современной русской жизни; в то время как наш национализм... потускнел и поблек на практике, вследствие своих хронических альянсов и компромиссов с так называемыми “союзниками”»⁸. В свою очередь, белая пропаганда так и не смогла привести сколько-нибудь убедитель-

тельные аргументы в пользу присутствия на русской территории иностранных войск.

Таким образом, отсутствие у Белого движения единой идеологической платформы, четкой рационально обоснованной концепции дальнейшего социально-экономического развития страны, и, в конечном итоге, привлекательной для широких слоев населения политической программы, непопулярность социальной и экономической политики серьезно сказались на политическом имидже антибольшевистских режимов. Ответной реакцией населения на пропагандистские усилия белых стал широкий спектр оппозиции от пассивных форм (невыполнение правительственных распоряжений и указов, дезертирство) до активных выступлений (восстания, партизанское движение), что явилось одним из решающих факторов поражения антибольшевистского движения на всех фронтах Гражданской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лампе А.А. фон. Причины неудачи вооруженного выступления белых // А.И. Деникин, А.А. фон Лампе. Трагедия белой армии. М., 1991. С. 22–23.

² Подробнее см.: Катков Н.Ф. Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и тылу белогвардейцев в период 1918–1920 г. Л., 1977. С. 82–83; Шушпанов С.Г. Забытая дивизия // Белая армия. Белое дело. 1997. № 4. С. 44. Партийно-политическая работа в Красной Армии (март 1919 – 1920 гг.). М., 1964. С. 202.

³ ГАРФ. Ф. 4626. Оп. 1. Д. 34. Л. 11.

⁴ Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917–1919 гг.). Томск, 1957. С. 490.

⁵ Жигалин Я. Партизанское движение в Западной Сибири // Пролетарская революция. 1930. № 11. С. 98.

⁶ Сахаров К.В. Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920 гг. Мюнхен, 1923. С. 313.

⁷ Лампе А.А. фон. Указ. соч. С. 21.

⁸ Устрялов Н.В. В борьбе за Россию. Харбин, 1920. С. 5.